

Свинопас

Ганс Христиан Андерсен

Содержание

- [Информация о первоисточнике](#)
-

Информация о первоисточнике

При использовании материалов библиотеки ссылка на источник обязательна. При публикации материалов в сети интернет обязательна гиперссылка: Библиотека Гумер (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/).

Преобразование в форматы epub, mobi, fb2

"Православие и мир. Электронная библиотека" (lib.pravmir.ru).

Жил-был бедный принц. Королевство у него было совсем маленькое, но какое-никакое, а все же королевство — хоть женись, и вот жениться-то он как раз и хотел.

Оно, конечно, дерзко было взять да спросить дочь императора: «Пойдешь за меня?» Но он осмелился. Имя у него было известное на весь свет, и сотни принцесс сказали бы ему спасибо, но вот что ответит императорская дочь?

А вот послушаем.

На могиле отца принца рос розовый куст, да какой красивый! Цвел он только раз в пять лет, и распускалась на нем одна-единственная роза. Зато сладок был ее аромат, понюхаешь — и сразу забудутся все твои горести и заботы. А еще был у принца соловей, и пел он так, будто в горлышке у него были собраны все самые чудесные напевы на свете. Вот и решил принц подарить принцессе розу и соловья. Положили их в большие серебряные ларцы и отослали ей.

Повелел император принести ларцы к себе в большой зал — принцесса играла там в гости со своими фрейлинами, ведь других-то дел у нее не было. Увидела

принцесса ларцы с подарками, захлопала в ладоши от радости.

— Ах, если б тут была маленькая киска! — сказала она.

Но появилась чудесная роза.

— Ах, как мило сделано! — в голос сказали фрейлины.

— Мало сказать мило, — отозвался император, — прямо-таки недурно!

Только принцесса потрогала розу и чуть не заплакала.

— Фи, папа! Она не искусственная, она настоящая.

— Фи! — в голос повторили придворные. — Настоящая!

— Погодим сердиться! Посмотрим сначала, что в другом ларце! — сказал император.

И вот выпорхнул из ларца соловей и запел так дивно, что поначалу не к чему и придраться было.

— Бесподобно! Великолепно! — сказали фрейлины; все они болтали по-французски одна хуже другой.

— Эта птица так напоминает мне органчик покойной императрицы! — сказал один старый придворный. — Да, да, и звук тот же, и манера!

— Да! — сказал император и заплакал, как ребенок.

— Надеюсь, птица не настоящая? — спросила принцесса.

— Настоящая! — ответили посланцы, доставившие подарки.

— Ну так пусть летит, — сказала принцесса и наотрез отказалась принять принца.

Только принц не унывал; вымазал лицо черной и бурой краской, нахлобучил на глаза шапку и постучался в дверь.

— Здравствуйте, император! — сказал он. — Не найдется ли у вас во дворце местечка для меня?

— Много вас тут ходит да ищет! — отвечал император. — Впрочем, стой, мне нужен свинопас! У нас пропасть свиней!

Так и определили принца свинопасом его величества и убогую каморку рядом со свинарником отвели, и там он должен был жить. Ну вот, просидел он целый день за работой и к вечеру сделал чудесный маленький горшочек. Весь увешан бубенцами горшочек, и когда в нем что-нибудь варится, бубенцы вызывают старинную песенку:

«Ах, мой милый Августин, Все прошло, прошло, прошло!»

Но только самое занятное в горшочке то, что если подержать над ним в пару палец — сейчас можно узнать, что у кого готовится в городе. Слов нет, это было почище, чем роза.

Вот раз прогуливается принцесса со всеми фрейлинами и вдруг слышит мелодию, что вызванивали бубенцы. Стала она на месте, а сама так вся и сияет, потому что она тоже умела наигрывать «Ах, мой милый Августин», — только эту мелодию и только одним пальцем.

— Ах, ведь и я это могу! — сказала она. — Свинопас-то у нас, должно быть, образованный. Послушайте, пусть кто-нибудь пойдет и спросит, что стоит этот инструмент.

И вот одной из фрейлин пришлось пройти к свинопасу, только она надела для этого деревянные башмаки.

— Что возьмешь за горшочек? — спросила она.

— Десять поцелуев принцессы! — отвечал свинопас.

— Господи помилуй!

— Да уж никак не меньше! — отвечал свинопас.

— Ну, что он сказал? — спросила принцесса.

— Это и выговорить-то невозможно! — отвечала фрейлина. — Это ужасно!

— Так шепни на ухо!

И фрейлина шепнула принцессе.

— Какой невежа! — сказала принцесса и пошла дальше, да не успела сделать и

нескольких шагов, как бубенцы опять зазвенели так славно:
«Ах, мой милый Августин, Все прошло, прошло, прошло!»

— Послушай, — сказала принцесса, — поди спроси, может, он согласится на десять поцелуев моих фрейлин?

— Нет, спасибо! — отвечал свинопас. — Десять поцелуев принцессы или горшочек останется у меня.

— Какая скука! — сказала принцесса. — Ну, станьте вокруг меня, чтобы никто не видел!

Загородили фрейлины принцессу, растопырили юбки, и свинопас получил десять поцелуев принцессы, а принцесса — горшочек.

Вот радости-то было! Весь вечер и весь следующий день стоял на огне горшочек, и в городе не осталось ни одной кухни, будь то дом камергера или сапожника, о которой бы принцесса не знала, что там стряпают. Фрейлины плясали от радости и хлопали в ладоши.

— Мы знаем, у кого сегодня сладкий суп и блинчики! Знаем, у кого каша и свиные котлеты! Как интересно!

— В высшей степени интересно! — подтвердила обергофмейстерша.

— Но только держите язык за зубами, ведь я дочь императора!

— Помилуйте! — сказали все.

А свинопас — то есть принц, но для них-то он был по-прежнему свинопас — даром времени не терял и смастерил трещотку. Стоит повертеть ею в воздухе — и вот уж она сыплет всеми вальсами и польками, какие только есть на свете.

— Но это же бесподобно! — сказала принцесса, проходя мимо. — Просто не слыхала ничего лучше! Послушайте, спросите, что он хочет за этот инструмент. Только целоваться я больше не стану!

— Он требует сто поцелуев принцессы! — доложила фрейлина, выйдя от свинопаса.

— Да он, верно, сумасшедший! — сказала принцесса и пошла дальше, но, сделав два шага, остановилась.

— Искусство надо поощрять! — сказала она. — Я дочь императора. Скажите ему, я согласна на десять поцелуев, как вчера, а остальные пусть получит с моих фрейлин!

— Ах, нам так не хочется! — сказали фрейлины.

— Какой вздор! — сказала принцесса. — Уж если я могу целовать его, то вы и подавно! Не забывайте, что я кормлю вас и плачу вам жалованье!

Пришлось фрейлине еще раз сходить к свинопасу.

— Сто поцелуев принцессы! — сказал он. — А нет — каждый останется при своем.

— Становитесь вокруг! — сказала принцесса, и фрейлины обступили ее, а свинопас принялся целовать.

— Это что еще за сборище у свинарника? — спросил император, выйдя на балкон. Он протер глаза и надел очки. — Не иначе как фрейлины опять что-то затеяли! Надо пойти посмотреть.

И он расправил задники своих туфель — туфлями-то ему служили стоптанные башмаки. И-эх, как быстро он зашагал!

Спустился император во двор, подкрадывается потихоньку к фрейлинам, а те только тем и заняты, что поцелуи считают: ведь надо же, чтобы дело сладилось честь по чести и свинопас получил ровно столько, сколько положено, — ни больше, ни меньше. Вот почему никто и не заметил императора, а он привстал на цыпочки и глянул.

— Это еще что такое? — сказал он, разобрав, что принцесса целует свинопаса, да как хватит их туфлей по голове!

Случилось это в ту минуту, когда свинопас получал свой восемьдесят шестой поцелуй.

— Вон! — в гневе сказал император и вытолкнул принцессу со свинопасом из пределов своего государства.

Стоит и плачет принцесса, свинопас ругается, а дождь так и поливает.

— Ах я горемычная! — причитает принцесса. — Что бы мне выйти за прекрасного принца! Ах я несчастная!..

А свинопас зашел за дерево, стер с лица черную и бурую краску, сбросил грязную одежду — и вот перед ней уже принц в царственном облачении, да такой пригожий, что принцесса невольно сделала реверанс.

— Теперь я презираю тебя! — сказал он. — Ты не захотела выйти за честного принца. Ты ничего не поняла ни в соловье, ни в розе, зато могла целовать за безделки свинопаса. Поделом тебе!

Он ушел к себе в королевство и закрыл дверь на засов. А принцессе только и оставалось стоять да петь:

«Ах, мой милый Августин, Все прошло, прошло, прошло!»